

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ, ЯЗЫКА И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Ю. А. КАРПЕНКО

ТОПОНИМИЯ БУКОВИНЫ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Киев —

1967

Отделение литературы, языка и искусствоведения Академии наук УССР направляет Вам автореферат диссертации т. Карпенко Юрия Александровича, представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Просим прислать Ваши замечания и отзывы Отделению литературы, языка и искусствоведения АН УССР по адресу: г. Киев, Кирова, 4.

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Черновицкого государственного университета.

Защита состоится в мае 1967 г.

Значение многообразной теоретической и практической проблематики топонимической науки становится в последнее время все более очевидным. Отечественная наука уже достигла в решении этой проблематики значительных успехов, особенно на протяжении последних двух десятилетий. Однако многие сложные топонимические задачи, связанные со сбором и интерпретацией собственных географических названий, с анализом их семантики и структуры, их развития и функционирования, с выработкой методики и принципов топонимики все еще ждут своего углубления, обстоятельного изучения, а то и постановки.

Сложный узел топонимических проблем представлен собственными географическими названиями Буковины — исконно славянской земли, заселенной со времен распада древнерусского языка преимущественно украинцами, но с тех же времен вплоть до 1940 г. отделенной от остального восточнославянского массива государственными границами. Вхождение Буковины в карпатский ареал с его топонимическими загадками еще более усложняет изучение топонимии этой территории.

Диссертация посвящена изучению топонимической системы, представленной собственными географическими названиями Буковины и принадлежащей топонимии украинского языка. Решение этого основного вопроса распределено между несколькими частными, среди которых наиболее существенными являются рассмотрение развития буковинской топонимии от древнерусского периода до наших дней и анализ локального взаимодействия украинской топонимии с молдавской (восточнороманской) и некоторыми другими.

Проблематика регионального плана по возможности сочетается с рассмотрением общих вопросов теоретической топонимики. Речь идет, в частности, об организации и функциони-

¹ В работе принято установившееся в советской ономастике разграничение терминов *топонимика* — наука о собственных географических названиях и *топонимия* — совокупность собственных географических названий.

ровании топонимической системы, о синхронии и диахронии в топонимии, об общих закономерностях развития и существования топонимии, о методах топонимического исследования и др.

Работа состоит из двух частей, первая из которых содержит анализ буковинской топонимии, а вторая представляет топонимический словарь. Первая часть работы включает следующие разделы:

Введение (стр. 1—35), Материал и источники (стр. 36—84), История изучения буковинской топонимии (стр. 85—116), Взаимодействие языков в топонимии Буковины (стр. 117—165),

Развитие топонимии Буковины (стр. 166—300), Функционирование буковинской топонимии (стр. 301—385),

Топонимические классы (стр. 386—438), Выводы (стр. 439—449),

Список использованной литературы (стр. 450—470).

* * *

Являясь словами, собственные географические названия тем самым входят в состав лексики языка. Но это весьма специфичная часть лексики. Топонимы указывают на отдельные, единичные предметы — географические объекты и не могут по своей сути называть классы однородных предметов. Топонимы являются также предельно локализованными словами. Эти две черты собственных географических названий позволяют им иметь значительную автономию внутри лексического состава языка.

Принимая положение о том, что топонимическим контекстом является территория, следует учитывать, что этот контекст остается практически постоянным и для каждого из топонимов единственным. Поэтому взаимоотношения соседних названий (аналог синтагматических противопоставлений речевого потока) в топонимии оказываются гораздо более влиятельными, чем в речевом потоке, с его бесконечным изменением комбинаций речевых единиц. Это обстоятельство позволяет утверждать, что топонимическая система включает не только отдельные ряды, но и все без исключения собственные географические названия определенной территории.

Представляемое этой системой синтагматическое единство (топонимический контекст) пронизывается в разных направлениях меньшими парадигматическими единствами, которые разделяют топонимическую систему на множество более тесно связанных между собой групп. Парадигмы (ряды)

топонимической системы разнообразно перекрещиваются между собой, не исчерпывая при этом всей совокупности топонимов, принадлежащих синхронной системе.

Существующие в современной топонимике два основных подхода к изучению собственных географических названий — ареальный и региональный — не исключают, а дополняют друг друга. Ареальная методика нацеливает исследователя на топонимическое изучение не территории, а явления. Поэтому для нее характерна избирательность: изучается одно топонимическое явление, а другие, представленные на той же территории, — нет. В этом случае взаимодействие различных явлений остается за пределами внимания исследователя. Региональная же методика, наоборот, требует прежде всего изучать не явление, а территорию: исследователь рассматривает все явления, распространенные на определенной территории. Взаимодействие различных явлений при этом обнаруживается довольно легко. Недостатком данной методики является локальная ограниченность: как правило, рассматриваются только части топонимических ареалов, а не все эти ареалы.

Нисколько не отрицая равноправия обоих названных подходов к изучению топонимии, следует вместе с тем отметить, что региональная методика имеет сравнительно с ареальной одно практическое преимущество: меньшая территория (регион) может быть изучена исследователем глубже и компетентнее, чем большая территория (ареал). Это практическое удобство дополняется существенным теоретическим преимуществом в том случае, когда изучаемый регион совпадает с территорией действия топонимической системы. Для изучения последней необходима именно региональная, комплексная методика, а не ареальная, избирательная.

*

Древнейшими источниками изучаемой топонимии являются еще античные и древнерусские памятники. Однако топонимия нынешней территории Буковины представлена в них крайне скупо. Это — названия крупнейших рек Днестра, Прута и Серета, а также гор Карпат, к которым древнерусские летописи прибавляют еще имена нескольких поселений. Значительные количества буковинских топонимов впервые появляются в украинских грамотах молдавского происхождения, особенно с XV в. Менее существенная топонимическая информация содержится в молдавских летописях XV—XVIII вв. В этом плане интересны, в частности, Анонимная молдавская летопись XV в., летопись Макария, а также летопись И. Некулче. Среди памятников молдавского периода

нужно выделить еще «Опись Молдавии» Д. Кантемира, ценную своими гидронимическими сведениями, и географические карты того времени.

Последние, впрочем, буковинскую топонимию не жаловали, ограничиваясь, как правило, указанием только трех поселений на территории Северной Буковины (Черновцы, Хотин, Тарасовны). Здесь резко отходит от традиции только Г.Л. Боплан, указывая на своих картах обычно то, что было в действительности, а не то, что было на предыдущих картах. Поэтому среди доавстрийских источников топонимии Буковины карты Г.Л. Боплана должны быть поставлены по важности сразу же после грамот молдавского происхождения.

Среди австрийских источников для изучения топонимии Буковины особенно интересны документы первых лет оккупации, когда названия еще не успели приобрести стандартных официальных форм, не отражавших живого употребления. Здесь следует особо выделить две генеральных карты Буковины, составленных в 1774 г. Наиболее же ценными топонимическими источниками австрийского периода являются кадастровые планы XVIII—XIX вв., которые впервые в массовом порядке фиксируют буковинскую микротопонию. В этот период появляются и специальные справочники, относящиеся к Буковине либо касающиеся ее, в том числе «Географический словарь Буковины» Э. Григоровицы.

Рассматриваются также русские источники по топонимии Буковины (до 1917 г.) и румынские топонимические материалы. Подробно рассмотрены советские сборники буковинской топонимии, прежде всего официальные справочники 1947 и 1961 гг. Сыграв важную роль в нормализации, упорядочении наименований населенных пунктов, эти справочники вместе с тем содержат ряд неточностей и упущений.

Современность в отличие от прошлого дает исследователю не только письменные, но и устные источники — живое употребление географических названий в речи местного населения. Запись топонимов из уст народа является, несомненно, важнейшим из топонимических источников. Конечно, относительно каждого конкретного названия особенно важны его древнейшие свидетельства. Однако современное употребление во многих случаях позволяет уточнить или лучше понять старую запись, давая также обильную дополнительную информацию (акцентуация, произносительные варианты, формы склонения и др.). Помимо этого многие топонимы только в устном употреблении и известны, так как они еще нигде не зафиксированы.

Можно сказать, что ценность топонимических источников в общем падает от древности к современности. Но падение это идет не плавно, а скачкообразно, подчас заменяясь взлетами, поскольку существенность источника для топонимиста

измеряется не только древностью, но и другими показателями, в частности полнотой и близостью к звучащей форме. И самый современный источник — живое употребление — является самым важным.

В этой связи рассмотрен вопрос о вариантах собственных географических названий. Разнообразные, иногда выражаемые двузначным числом варианты одного топонима делятся, с одной стороны, на синхронические и диахронические, а с другой — на разносистемные и односистемные.

Первые, очень наивные попытки интерпретации буковинской топонимии относятся к XIX в. и связаны с именем историка Ф. Викенгаузера. Эти попытки были затем продолжены Р. Кайндлем и особенно Д. Веренкой. Однако более строгое, научное изучение топонимического материала Буковины начато лишь работами М. Кордубы. Он же впервые организовал, правда в скромных масштабах, и запись местной топонимии из уст народа.

В конце 1 четверти XX в. изучение буковинской топонимии от историков перешло в ведение лингвистов. Г. Вейганд и М. Штефенеску опубликовали несколько работ по топонимике, частично или преимущественно относящихся к Буковине. Важной стороной этих работ был подход к топонимам прежде всего как к языковым фактам, однако это не избавило их авторов от некоторой произвольности топонимических построений. Время от времени толкование отдельных топонимов продолжали предлагать и историки, прежде всего те, которые занимались изданием соответствующих памятников (М. Костекеску, И. Богдан, Т. Балан и др.).

В советское время интересные работы по отдельным вопросам буковинской топонимии опубликовали М. В. Сергиевский, также Б. Ф. Лящук, Б. А. Тимошук, В. С. Лимаренко, М. Ф. Станевский. Помимо этого топонимия Буковины используется в большей или меньшей мере, чаще всего как параллельный материал, в трудах известных советских топонимистов Л. Л. Гумецкой, К. К. Целуйка, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова, Е. М. Поспелова, В. П. Петрова, А. С. Стрыжака и др.

Вместе с тем предметом специального и обстоятельного изучения буковинская топонимия еще не была. Нет и цельной концепции топонимического процесса на Буковине, осмысления стратиграфии и состояния собственных географических названий.

***

Дославянский топонимический субстрат сводится на территории Буковины к нескольким названиям. Это прежде всего связываемые со скифами названия **Днестр** (и **Тирас**), **Прут**, может быть и **Дунавец**. Что же касается доскифских топонимов

Серет и **Карпаты**, которые по языковому и территориальному признаку могут квалифицироваться как фракийские, то их сохранению способствовали не только значительные размеры соответствующих объектов, но и особые обстоятельства. Первый из этих топонимов, имевший по свидетельствам древних авторов форму типа * Eρισος, сохранился уже в скифском переосмыслении, ср. др.-инд. sarít «река». Второй же топоним был искусственно восстановлен по античным источникам вместо славянского **Горы** (старого перевода того же имени **Карпаты**): отсутствие непрерывности употребления фракийского топонима **Карпаты** у славян легко доказывается тем, что здесь нет рефлексов славянского сочетания * tort. Дославянскими, возможно, являются также буковинские топонимы **Бісків** и **Сова**.

Первый топоним, имеющий славянскую структуру, упоминается на территории Буковины в XII в.: **Кучелмин**, **Кучелемин** (суффикс **-ин**). Для нескольких названий этой территории путем внутренней реконструкции также можно установить, что они употреблялись как топонимы уже во время падения редуцированных, во второй половине XII в. Это — речные названия **Шубранець**, **Міхідра** (нар. **Міхідря**), **Гільча** (на всех трех реках есть и одноименные поселения).

После XII в. количество фиксации славянской топонимии на Буковине резко возрастает: **Василев** (XIII в.), **Цецин**, **Хмелев**, **Хотин**, **Шипинци** (XIV в.). Особенно значительно это возрастание с XV в.

И почти все собственные географические названия Буковины, засвидетельствованные памятниками до II половины XVI в., являются чисто славянскими, то есть имеют славянский корень и славянскую структуру. Можно указать для сравнения, что романские либо романизированные названия свидетельствуются для буковинской территории, за редкими исключениями, с XVII в.

Славянские названия на протяжении всего исторического периода, как и теперь, составляют основу топонимии Буковины. Для большинства ее местностей из каждой сотни топонимов более 90 являются украинскими, славянскими по происхождению. Это соотношение нарушается только на юге Черновицкой области.

Данный факт и определяет характер взаимодействия языков в местной топонимии. Это взаимодействие является, как правило, древнерусско- (позже украинско-) иноязычным.

Среди вопросов языкового взаимодействия для буковинской топонимии особенно важны восточнославянско-восточнороманские контакты, поскольку именно восточные славяне и романцы (молдаване и румыны) населяют Буковину на протяжении весьма длительного исторического периода.

То положение, что славянские топонимы на Буковине

свидетельствуются значительно раньше, нежели романские, действительно для всех районов Черновицкой области, в том числе и для южных, где сосредоточена основная часть романской топонимии. Такое состояние хорошо обнаруживается, к примеру, в гидронимии верхнего Серета, бассейн которого занимает самую южную часть области. Среди 252 рек Серетского бассейна, протекающих в Черновицкой области, романские названия встречаются лишь в 40 случаях (16%). И эта цифра становится особенно показательной, если ее распределить по степеням притоков. Из 40 молдаво-румынских гидронимов верхнего Серета непосредственным притокам Серета принадлежат 4 названия, притокам его притоков (притокам второй степени) — 12 названий, притокам третьей степени — 11 названий, притокам четвертой степени — 12 названий и притокам пятой степени — 1 название.

В целом же на исследуемой территории отмечены названия 67 притоков Серета, 87 притоков второй степени, 66 — третьей, 29 — четвертой и 3 — пятой степени. Таким образом, молдаво-румынские названия имеют следующий удельный вес среди притоков Серета разной степени: притоки первой степени — 6%, притоки второй степени — 14%, притоки третьей степени — 17%, притоки четвертой степени — 41%, притоки пятой степени — 33%. Это — выразительная и неопровержимая картина вторичного напластования на иную (в данном случае — славянскую) языковую основу.

Конкретное славяно-романское взаимодействие в буковинской топонимии проявляется в наличии переводных топонимов (географические названия одного языка переводятся по своему содержанию на другой язык: укр. **Чорний Потік** — молд. **Пырзу-Негру**), народноэтимологических переосмыслений (географические названия одного языка приспосабливаются к определенной лексеме другого языка по своему звучанию, без учета содержания: слав. **Борисковци**, от личного имени **Бориско** — молд. **Броскэуць**, ср. молд. **броаскэ** «лягушка»; молд. **Присэкрень**, от **присэкар** «пасечник» — укр. **Просіка** «просека»), разных названий одного объекта у носителей разных языков (укр. **Гута** — молд. **Краснишоара**).

Но прежде всего указанное взаимодействие проявляется в существовании многочисленных и разнообразных словообразовательных адаптаций, при которых оформление географического названия одного языка заменяется оформлением, свойственным другому языку. Практически при словообразовательной адаптации почти всегда заменяются суффиксы. На протяжении веков выработались устойчивые формы славяно-романской топонимической адаптации.

Так, украинские по происхождению названия с суффиксом **-івці** регулярно адаптируются молдаванами и румынами как топонимы с **-эуць**, реже с **-ешть**. Последний суффикс слу-

жит также средством романизации образований на **-ише**, а иногда и на **-инці** (**Томинци, Южинци-Томешть, Южешгь > Ижешть**). Образования с **-яни** имеют свои романские соответствия на **-ень**. Суффикс **-ень** образует также молдавские варианты украинских топонимов на **-и, -і**: **Тораки — Торачень, Петраші — Петрашень** и т. д.

Особым видом словообразовательных субституций в буковинской топонимии является замена либо дополнение славянского суффикса восточнороманским постпозитивным артиклем, например укр. **Путилів** — молд. **Путила**, укр. **Михальче** — молд. **Михальча** (ср. румынское написание **Mihalcea**, то есть **Mihalce** + артикль **a**).

В целом именно со словообразовательной адаптацией связано наибольшее количество отличных друг от друга славянских и романских вариантов топонимов на Буковине. Прежде всего благодаря действию этого вида языковых взаимоотношений можно говорить о существовании в местной топонимии двух различных систем — первичной славянской и вторичной романской.

Кроме украинского и восточнороманского топонимических пластов в буковинской топонимии выделяется заметная группа русских собственных географических названий, а также польские, немецкие и турецкие топонимические элементы. Эти количественно весьма различные группы не изолированы друг от друга. Наоборот, входя в одну систему (в зависимости от языка населения определенной местности — украинскую, русскую либо молдавскую), они перемалываются, усваиваются, взаимодействуют.

Русско-украинское взаимодействие в топонимии Буковины имеет два различных аспекта — официально-письменный и народно-разговорный. Если первый сводится к выработке русских соответствий существующим украинским (молдавским) топонимам, то второй включает не только создание разговорных соответствий или переосмыслений, но и образование самобытных названий. Последние представлены в местах расположения старых русских сел на Буковине, и прежде всего — в микротопонимии этих сел.

Следует отметить при этом, что собственно топонимическое взаимодействие украинского и русского языков обнаруживается преимущественно на фонетическом уровне, результатом взаимодействия являются фонетические субституции в топонимах. Это объясняется близким родством русского и украинского языков, идущих от одного древнерусского корня.

При взаимодействии более отдаленных языков, прежде всего украинского и молдавского, кроме фонетических субституций встречаем множество субституций словообразовательных. В целом можно отметить следующую закономер-

ность усвоения собственных географических названий: при переходе топонима из языка в язык окончание изменяется чаще, чем суффикс, а суффикс — чаще, чем корень.

В одном топониме может отложиться действие и более двух языков. Например, в названии **Садгора** сконцентрировалось взаимодействие немецкого, русского, польского и украинского языков. Однако определенный топоним в определенное время принадлежит как незаимствованный только одному языку. Случаев, когда бы два языка «на равных правах», то есть без хронологического либо функционального разграничения, образовали топоним, на исследованной территории не обнаружено.

***

Анализ развития буковинской топонимии, наиболее четко прослеживаемого на материале названий населенных пунктов, обнаруживает значительные хронологические различия разных словообразовательных моделей, а также и значительную динамику, изменение этих хронологических различий. Дифференциация топонимов по вековым синхронным срезам на протяжении шести столетий, поддающихся более-менее обстоятельному изучению, позволяет выделить на статичном фоне современности модели восходящие, нисходящие, модели, знавшие между XV и XX вв. и возрастание, и падение продуктивности.

Хронологическая динамика буковинской топонимии может быть представлена материалом 12 словообразовательных моделей, наиболее употребительных в названиях населенных пунктов данной территории. Соответствующие данные сведены в таблицу № 1 (см.) и выражены, для удобства сопоставлений, в процентах.

В развитии топонимии исследуемой территории наблюдается весьма определенная концентрация словообразовательных моделей. Двенадцать наиболее употребительных моделей занимают со временем среди названий поселений все больший удельный вес, а доля прочих моделей неуклонно уменьшается: с 29% в XV в. она снизилась до 10% в XX в. Именно поэтому большинство указанных в таблице № 1 наиболее продуктивных моделей развертывает свою продуктивность, активизируется. Такой процесс словообразовательной концентрации ведет к уменьшению количества моделей, которые активно используются в топонимии. Прежде всего благодаря этому процессу происходит дальнейшее отмежевание топонимии от нарицательных названий.

Может быть отмечен и другой общий процесс, выявляемый в буковинской топонимии при ее хронологическом анализе. Речь идет о заметном уменьшении удельного веса названий, образованных от антропонимов. Уменьшается продук-

тивность тех моделей, которые специализировались на образовании географических названий от личных (**-івці, -инці; -ів, -ин; -ешть**) либо в которых отантропонимические производные занимали значительное место (**-яни**). Возрастают же в целом неантропонимические модели.

Таблица № 1

**Продуктивность наиболее употребительных
словообразовательных моделей названий населенных пунктов
на территории Буковины в XV—XX вв.**

Век	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
Модель						
-ів, -ин	14	14	11	9	10	7
-івці, -инці	40	21	26	8	6	4
-ешть	1,5	14	12	4	2	1
-яни $\left[\begin{array}{l} \text{-яни} \\ \text{-ень} \end{array} \right]$	2	7	16	12 $\left[\begin{array}{l} 1,5 \\ 10,5 \end{array} \right]$	3 $\left[\begin{array}{l} 1 \\ 2 \end{array} \right]$	4 $\left[\begin{array}{l} 0 \\ 4 \end{array} \right]$
-ка	—	3	1,5	4	4	4
Словосложения	2	2	4	5	3	3
Префиксация	—	—	—	2	1	2
-и, -і	2	2	4	8	7	8
Субстантивированные прилагательные	6	—	2	5	8	9
Переосмысления	1,5	2	2	10	18	14
Словосочетания	(2)	5	2	3	9	14
-івка	—	2	4	4	6	20
Прочие модели	29	28	15,5	26	23	10

Модель с антропонимической исходной базой развивает продуктивность только в том случае, когда она от этой базы отрывается, что и произошло с образованиями на **-івка**. Существует, правда, одна возрастающая модель, которая в значительной мере опирается на личные имена, — множественные образования на **-и, -і**. Однако активизация данной модели не противоречит общей тенденции и объясняется спецификой связи этой модели с личными именами, обуславливаясь также и локальными этническими перемещениями.

Дело в том, что падение продуктивности отантропонимических образований является не просто внутренней специфической чертой развития топонимии (за исключением класса микропонимов). Топонимия здесь непосредственно отражает социально-экономические сдвиги общества. Отантропонимические топонимы и в частности названия населенных пунктов появились в славянской топонимии вследствие развития классовой дифференциации и появления эксплуататорских классов. Название селения не производилось от имени первого попавшегося человека. Этот человек должен был чем-то выделяться среди прочих. И чаще всего это был собственник или основатель (который также становился нередко собственником) — чаще всего это был эксплуататор. Не случайно

отантропонимические топонимы оформляются преимущественно средствами притяжательного словообразования.

Падение подобных моделей было отражением падения феодализма и его пережитков. Однако только победа социалистического строя ликвидировала почву для развития топонимии, увековечивавшей права собственности. Новая эпоха резко уменьшила образование топонимов от личных имен и еще более резко изменила характер отношения топонимии и антропонимии.

Отантропонимические же множественные образования на **-и, -і** в этом смысле имеют свою особенность. Это — так называемые родовые топонимы, которые не выделяют одного человека среди прочих, а называют сразу всех людей, ибо все они имеют одну фамилию либо прозвище. В этом принципиальное различие между названиями, например, **Давиди** и **Демидяни**, хотя оба они образованы от антропонимов и оба именовали вначале не селение, а людей. Первое характеризует людей по их общему личному имени (в данном случае **Давид** — не имя отдельного лица, а имя всего рода по его основателю, то есть фамилия), а второе — по их общему социальному отношению к определенному человеку, названному по имени. Первое селение получило свое название от того, что там жили **Давиды**, а второе — от того, что там жили **подданные Демида**.

Именно поэтому возрастание продуктивности отантропонимических плюральных топонимов на **-и, -і** при общем падении веса моделей, базирующихся на личных именах, становится вполне понятным. Названия на **-и, -і** не отражают эксплуататорских отношений и поэтому могут создаваться и теперь. В связи с этим не следует причислять образования на **-и, -і** к архаическим, чуть ли не отражающим доклассовые отношения. Это просто отантропонимическая модель, которая не отражает классовых отношений. Топонимы этого вида действительно могут быть очень древними, а могут оказаться и совсем молодыми. Возрастание же продуктивности модели говорит о том, что среди топонимов на **-и, -і** большинство образований — сравнительно недавние.

По характеру своего развития наиболее употребительные модели буковинской топонимии могут быть распределены на пять различных групп.

1. Нисходящие модели. К ним относятся притяжательные образования с суффиксами **-ів** и **-ин** (с родовыми формами **-ова, -ина; -ово, -ове, -ино, -ине**), а также образования с производными от названных двухэлементными суффиксами **-івці, -инці**. Особенно катастрофическим было падение продуктивности модели с **-івці, -инці**, образовавшей в XV в. целых 40% всех названий населенных пунктов. Падение обеих моделей объясняется их тесной связью с антропонимией. Ограничение использования среди собственных

географических названий антропонимических основ и привело к отмеченному падению. При этом модель на **-ів, -ин** лучше приспособилась к новым условиям, чаще выходила за рамки антропонимической базы, а поэтому и уменьшала свою продуктивность очень медленно. Разные темпы падения продуктивности двух моделей привели к тому, что в XVIII в. образования с **-ів, -ин** стали появляться даже чаще, чем образования с **-івці, -инці**. Таким образом, архаическая модель с **-ів, -ин** оказалась более живучей, чем производная от нее и в XV—XVII вв. более употребительная модель с **-івці, -инці**.

2. **Восходяще-нисходящие модели.** К этой группе принадлежат образования с суффиксами **-яни, -ень** и **-ешть**. Сложный путь развития этих моделей объясняется действием нескольких сил. Во-первых, суффикс **-ешть** является восточно-романским, а от суффикса **-яни** отпочковалось его восточно-романское соответствие **-ень**, которое и приобрело особую продуктивность. Поэтому не удивительно, что время наибольшей активности данных моделей совпадает с периодом наиболее интенсивного влияния молдавского и румынского языков на местную топонимию (XVI—XVIII вв.). Во-вторых, падение продуктивности этих моделей, как и в предыдущей группе, зависит от их тесной связи с антропонимией.

Хронологическая динамика моделей с суффиксами **-ешть** и **-ень** обнаруживает большое сходство. Однако есть и определенное расхождение между этими моделями: образования с **-ешть** как бы идут во времени впереди, а формы с **-ень** повторяют их путь с опозданием на столетие. Это тоже имеет свои причины. Суффикс **-ешть** пришел в топонимию от прилагательных, а суффикс **-ень** и **-яни** — от существительных. Указанное расхождение, таким образом, еще раз подтверждает большую давность в топонимии прилагательного начала сравнительно с существительным.

3. **Модели с постоянной продуктивностью.** Здесь объединяются такие различные модели, как словосложение, образования с суффиксом **-ка** и префиксальные топонимы.

За внешней устойчивостью продуктивности словосложений (см. таблицу № 1) скрывается динамика фактически совершенно различных моделей — сначала славянских, к которым в XVII в. присоединяются молдавские, а с XVIII в. еще и немецкие. Вместе с тем по несколько славянских словосложений появляется на изучаемой территории на протяжении каждого столетия — от XV до XX.

Устойчивость образований с суффиксом **-ка** следует рассматривать как устойчивость наиболее активной среди местных топонимов деминутивной модели. Потребность топонимии в деминутивах на протяжении исследуемого периода была, таким образом, более-менее постоянной. Появление

суффикса **-ка** в буковинской топонимии только в XVI в. связано с процессом развития существительности ранее отприлагательной славянской топонимии.

Устойчивость же префиксальной модели является сравнительно молодой (три столетия), чтобы предлагать ей какую-либо определенную интерпретацию. До XVIII в. эта модель (тип **Замогила**) на исследуемой территории не фиксируется. Это, между прочим, в какой-то мере является доказательством того, что данная модель образовалась в разных славянских языках независимым путем и не является элементом праславянского топонимического наследия.

4. **Восходящие, возрастающие модели.** В эту группу выделяются множественные образования на **-и, -і** и субстантивированные прилагательные, не имеющие специальных топонимических формантов.

Выше уже отмечено, что активизация образований на **-и, -і**, в значительной степени антропономических, не противоречит общей топонимической тенденции к уменьшению числа производных от личных имен. Сама же эта активизация может быть связана с переселением в западную часть изучаемой территории носителей гуцульских говоров украинского языка. Дело в том, что заметное возрастание продуктивности образований на **-и, -і** в XVII—XVIII вв. констатируется не для всей территории Буковины, а только для ее западной части — и именно тех местностей, где ныне обитают гуцулы. Характерно, что и субстантивированные прилагательные, продуктивность которых приближается к продуктивности множественных топонимов, также локализируются преимущественно на западе изучаемой территории, тоже увязываясь, таким образом, с носителями гуцульских говоров.

5. **Интенсивно возрастающие модели.** Наиболее интенсивное возрастание продуктивности свойственно в буковинской топонимии образованиям с суффиксом **-івка**, топонимическим словосочетаниям и переосмыслениям.

Если прыжок активизации образований с **-івка** в значительной мере связан с переименованиями 1946 г., для которых этот суффикс стал, к сожалению, едва ли не обязательным, то рост продуктивности топонимических словосочетаний и переосмыслений объясняется менее очевидными причинами.

В процессе развития собственных географических названий старый, архаичский вид топонимических словосочетаний (уточняющее, дифференцирующее определение с определяемым географическим термином) все более последовательно заменялся новым видом, в котором специфической частью словосочетания было уже не определение, а определяемое. Если первый вид топонимических словосочетаний непрерывно распадался, порождая субстантивированные прилагательные, то второй вид распасться не мог: в названии типа

Нижні Петрівці нужны оба элемента, ни одного из них нельзя изъять без вреда для дифференциального смысла топонима. Эти новые топонимические словосочетания все время увеличивают свою продуктивность как в связи с наличием уже достаточного количества топонимов, на которые эти словосочетания могли бы опираться (топонимический процесс), так и в связи с разрастанием и распадением населенных пунктов и так называемой «внутренней колонизацией» (экстратопонимический процесс).

Что же касается возрастания продуктивности топонимических переосмыслений, то это — прямой результат возрастания сущестительности собственных географических названий.

В целом анализ развития буковинской топонимии выявляет древнерусскую, а затем украинскую языковую принадлежность этой топонимии. Характеризуя лишь часть общего топонимического процесса, локальные диахронические закономерности топонимии вместе с тем дают представление о топонимическом развитии в более широких границах — по крайней мере в границах всего украинского языка. Если динамика буковинских собственных географических названий непонятна без учета общего развития восточнославянской топонимии, то обстоятельное изучение этой локальной динамики позволяет прояснить и некоторые общие моменты.

..

Представляется перспективным не только диахроническое, но и синхроническое изучение собственных географических названий. Именно этим путем и может быть обнаружена организация разных топонимов одной территории, топонимическая система.

Топонимическая система, несомненно, является одним из основных факторов развития топонимии. В целом это развитие можно определить как равнодействующую трех сил. С одной стороны, сила традиции стремится сохранить статус-кво, а система — осуществить оптимальную для функционирования топонимов их перестройку. С другой стороны, сила человеческой пытливости время от времени вводит в топонимы какую-либо внутреннюю форму, а система — устраняет эту внутреннюю форму, поскольку она необязательна для функционирования собственных географических названий.

Для функционирующих топонимов существенно, чтобы они точно различали географические объекты, то есть не смешивались между собой. Этот факт и может быть положен в основу синхронического изучения топонимии.

Топонимы одной территории возникают в различное время, на разной языковой основе и образуются от разных лексем. Поэтому топонимы, так сказать, различны «от рождения», независимо от необходимости отличаться друг от друга. И действие топонимической системы направлено прежде всего не на то, чтобы отдалить топонимы друг от друга, а на то, чтобы сблизить их между собой. Подобное введение топонимов в ряд, распределение их по парадигмам придает им печать общности, обычно выделяющей классы однородных объектов, и содействует дифференциации единичных объектов внутри этой общности.

Можно назвать несколько топонимических процессов, служащих этой цели.

1. Топонимическая перестройка словообразовательных моделей.

История старых славянских топонимических словообразовательных моделей свидетельствует, что первоначально они могли образовывать топонимы лишь от строго ограниченного круга лексем. Выбор конкретного суффикса или иного словообразовательного средства определялся прежде всего словом, от которого производился топоним. Однако развитие топонимии привело к нарушению этого старого состояния, и выбор словообразовательного средства стал определяться прежде всего не исходным словом, а результатом — тем, какой географический объект получает название, к какому классу относится образуемый топоним.

2. Словообразовательная перестройка топонимов. Указанное словообразовательное размежевание топонимических классов не только подчинило своему действию вновь образуемые топонимы, но могло распространяться и на уже существующие названия. В этом случае появляются новые словообразовательные варианты топонимов, развиваются многообразные словообразовательные субституции — как внутриязыковые, так и, особенно, межъязыковые.

3. Изменение рода топонимов. В топонимии, в отличие от нарицательных существительных языка, род значительно менее устойчив, чем число. Род топонимов изменяется преимущественно под влиянием рода соответствующих нарицательных географических терминов. В идеале название каждого села должно иметь средний род, каждого хутора — мужской, каждой реки — женский. Этот идеал никогда не достигается как вследствие устойчивости топонимов, так и в результате наличия синонимичных географических терминов, относящихся к разным родам, например **река** и **поток**. Вместе с тем указанная тенденция вносит существенные коррективы в распределение топонимов по родам.

Отмеченные процессы, с одной стороны, сближают топонимы одного класса, приводят их к своеобразному общему знаменателю, а с другой — разграничивают, удаляют друг

от друга топонимические классы (названия рек, названия поселений и т. д.).

Для функционирующего топонима существенно его современное топонимическое значение и несущественно этимологическое, дотопонимическое значение, то есть семантика исходного лексического материала. Эта семантика, являющаяся внутренней формой топонима, может легко выветриваться.

Вместе с тем выявление и изучение этимологического значения собственных географических названий чрезвычайно важно для топонимики. Ведь именно здесь топонимы наиболее прозрачно отражают историю народа. Именно этимологическое значение позволяет обнаружить те признаки, те семантические сферы, которые в разные исторические периоды использовались для наименования географических объектов.

Семантическая группировка буковинской топонимии обобщена таблицей № 2 (см.), которая основывается на этимологическом анализе названий селений исследуемой территории, а также гидронимов бассейна верхнего Серета и сообщает как абсолютные цифры, так и соответствующие проценты.

Таблица № 2

Семантический спектр буковинской топонимии

Топонимический класс	Источники топонимов		Источники топонимов		
Источники топонимов	Названия селений		Гидронимы верхнего Серета		
I	Нарицательные географические названия или признаки соответствующих объектов	323	35%	164	64%
	Собственные географические названия	190	21%	21	8%
II	Антропонимия	290	32%	52	21%
	Этнические названия	12	1%	3	1%
	Прочие нарицательные названия людей	23	3%	2	1%
III	Названия предметов и явлений культуры	45	5%	4	2%
IV	Неясные названия	21	3%	8	3%

Исходная семантика топонима определяется временем, историческими, экономическими, социальными условиями, устойчивыми для данной территории традициями и т. д. В целом признаки географического объекта, избираемые населением для его наименования, могут быть весьма разнообразными. Но при этом всегда должно удовлетворяться одно неперемное условие: избираемый признак должен быть дифференциальным, то есть отличать данный объект от смежных (с точки зрения людей, дающих название) объектов, поскольку топонимы и образуются лишь для того, чтобы различать географические объекты.

Поскольку редкость признака усиливает его дифференциальные возможности, постольку отмеченная относительная дифференциальность топонимической семантики может быть названа относительной негативностью (последний термин принадлежит В. А. Никонову).

Относительная дифференциальность топонимов регламентирует их появление, но не регламентирует их существования. Признак, положенный в основу топонима, является дифференциальным в момент появления этого топонима. Затем он может вообще исчезнуть либо, наоборот, распространиться и на другие объекты: для существования топонима это уже не имеет особого значения. И это не противоречит дифференциальной сути топонимии, завися только от утраты топонимами их этимологического значения.

При возникновении топонима ведущим является дифференциальное значение признака географического объекта. Когда же топоним возник, содержание этого признака со временем забывается — для существования топонима достаточно, чтобы он отличался от остальных соседних топонимов своим звучанием, формой. Поэтому можно сказать, что в функционирующем топониме относительная дифференциальность не исчезает, а лишь изменяет адрес: из этимологического содержания она переселяется в план выражения — в звучание названия. Существующие топонимы дифференцируются не своим дотопонимическим значением, а своими звуковыми оболочками. Семантическая дифференциация может сохраняться преимущественно как дополнительное средство различения в прозрачных противопоставлениях типа **Нижні Станівці — Верхні Станівці, Гора — Долина** и т. д.

***

Словообразовательная структура ныне употребляемой буковинской топонимии, включая все ее классы, обобщается таблицей № 3 (см.), которая демонстрирует резкое преобладание суффиксации среди местных топонимических моделей.

Таблица № 3

Словообразовательный спектр
буковинской топонимии

Вид словообразования	Количество образований (в % %)
Переосмысления (преимущественно топонимические метонимии)	15%
Суффиксация	65%
Префиксация (без псевдопрефиксации)	1%
Словосложения	2%
Субстантивированные прилагательные	6%
Словосочетания	10%
Множественные образования (без топонимических суффиксов)	1%

При этом господство суффиксации проявляется не только в том, что данным способом образовано абсолютное большинство буковинских топонимов, а именно 65 их процентов. Отпечаток суффиксации, воздействие этого словообразовательного типа накладывается и на другие группы топонимии.

Топонимическое переосмысление, то есть преобразование слова в топоним без какого-либо словообразовательного изменения этого слова, обычно порождает довольно недолговечные собственные географические имена. Тенденция к большему отграничению от нарицательных названий приводит к тому, что со временем топонимические переосмысления могут перестраиваться, расширяясь за счет специализированных топонимических суффиксов. Поэтому наименование географического объекта топонимическим переосмыслением в какой-то мере служит доказательством того, что данный топоним возник сравнительно недавно.

Существенное исключение составляют в данном случае факты перенесения топонимов с одного объекта на другой (здесь также имеем дело с топонимическим переосмыслением). Подобным переосмыслениям не требуется никакого дооформления, поскольку, во-первых, перенесенное название поддерживается перенесенным — чаще всего соседним (село **Околена** — от горы **Околена** и т. д.), и, во-вторых, переосмысление здесь преимущественно уже имеет какое-либо специальное топонимическое оформление (хутор **Бочків** — от горы **Бочків**). Поэтому, хотя диахронически суффикс **-ів** ни-

какого участия в образовании названия хутора **Бочків** не принимал, так как это название целиком перенесено от имени горы **Бочків**, синхронически название хутора воспринимается носителями языка как суффиксальное, как отмеченное специальным топоформантом. И в этой группе переосмысленной суффиксация, таким образом, постепенно устанавливает свое господство.

Среди топонимов, имеющих префикс, этот последний появляется во многих случаях на дотопонимической стадии и поэтому непосредственного участия в образовании собственного географического названия не принимает. Сюда относятся топонимические переосмысления нарицательных слов, имеющих префикс (**Затінь** от **затінь**); безаффиксные образования от глаголов с префиксом (**Зруб** от **зрубати**); префиксально-суффиксальные топонимы, которые фактически образованы с помощью только суффикса от предложного сочетания (**Заставна** от **за ставами**).

Однако и названия типа **Підгора** не следует безоговорочно зачислять в префиксальные. Специальное изучение таких названий на Буковине выявило, что все они образовались не путем присоединения префикса к корню, а путем лексикализации предложного сочетания (**Підгора** — из сочетания **під горою** либо **під гором**). Другими словами, истинным актом словообразования в данных случаях является не префиксация, а отбрасывание флексии косвенного падежа и замена ее флексией именительного падежа. Здесь можно говорить о негативной суффиксации, о «нулевом суффиксе», но не о префиксации.

Эта особенность появления топонимов типа **Подгора** отражается и на их современном состоянии: при склонении таких названий (в речи местных жителей, знакомых с соответствующим географическим объектом) предлог обычно восстанавливается (именительный и винительный падежи — **Заоблаз**, прочие падежи — **За Облазом**). И только длительное существование приводит к переосмыслению подобных названий как префиксальных: **Межброди**, **Межбродів**, у **Межбродах**. В последнем случае, при наличии стандартного склонения, топонимы типа **Підгора** уже могут рассматриваться (синхронически, но не диахронически!) как префиксальные образования.

Среди словосложений в буковинской топонимии резко преобладают образования с суффиксом, например **Новоселиця**, **П'ятихатка**. Характерна в этом отношении замена старого названия села **Суховерх** (бессуффиксальное словосложение) в XVII в. формой **Суховерхів** (словосложение с суффиксом). Таким образом, суффиксация и среди словосложений является своеобразным регулятором продуктивности.

В кругу бессуффиксальных словосложений чаще прочих

употребительны модели «Прилагательное + существительное» (**Довгополе**) и «глагол + существительное» (**Сопигора**).

Диахронически, но не всегда синхронически от топонимов— словосложений отличаются топонимические переосмысления сложных нарицательных названий (**Суходіл, Суходів** — от **суходіл** «сухая низина», **Сіножета** — от **сіножета**).

Субстантивированные прилагательные, то есть топонимы с прилагательным склонением, не имеющие специализированных топоформантов, развились из топонимических словосочетаний (**Глибока** из **Глибока Долина**). Следы этого сохраняются преимущественно в относительной устойчивости родовых форм данных топонимов.

Воздействие господствующих топонимических типов проявляется среди субстантивированных прилагательных как в замене прилагательного склонения существительным (формы **Глибока, Глибокої, у Глибокій** заменяются, сначала в устной речи, формами **Глибока, Глибоки, у Глибоці**), так и, особенно, в появлении топонимической суффиксации. Последний процесс обычно заключается в топонимизации суффиксов, распространенных в субстантивированных топонимах. В древности подобное изменение претерпели топонимы на **-овъ, -евъ (-ів)**, которые теперь являются обыкновенными существительными, связываясь с прилагательными только генетически. В современной буковинской топонимии такой сдвиг происходит в субстантивированных топонимах на **-івський**: названия начинают пониматься как образованные с помощью этого суффикса, а не в результате субстантивации из топонимического словосочетания. Топонимические суффиксы могут появляться в субстантивированных прилагательных также путем их наращивания на уже существующие названия (**Звнячка** вместо более старого **Звняче**).

Таким образом, если прошлое субстантивированных прилагательных связывает их с топонимическими словосочетаниями, то будущее этой словообразовательной группы ведет ее к суффиксальным топонимам-существительным. Такова «генеральная линия» развития субстантивированных топонимов в топонимии. Однако это ничуть не означает, что данная группа является исчезающей. Новых субстантивированных топонимов возникает во всяком случае не меньше, чем выходит из этой группы вследствие словообразовательной перестройки. Более того, существование модели приводит к тому, что новые субстантивированные топонимы могут появляться даже непосредственно, без стадии словосочетания. Это особенно заметно при изучении переименований.

Тесные связи старой восточнославянской топонимии с прилагательными свидетельствуют о том, что словосочетание прилагательного и существительного представляет, по-видимому, древнейшую среди известных у славян топонимических

словообразовательных моделей. Вместе с тем такие словосочетания, правда со значительной перестройкой, выразившейся в перераспределении информации между определением и определяемым, сохраняют высокую продуктивность и в настоящее время, о чем выше уже говорилось.

Другую группу топонимов-словосочетаний составляют предложные конструкции, или ориентированные названия, которые, конечно, резко отличаются от первой группы словосочетаний и структурой, и сферой употребления (они распространены преимущественно в микротопонимии), и тенденциями развития.

Предложные конструкции в топонимии, возникая из простой описательной характеристики географического объекта, который еще не получил никакого названия, в дальнейшем развитии теряют номенклатурный термин, а затем могут лексикализаться, превращаясь в конечном счете в префиксальные образования: **поле під лісом**>**Поле під лісом**>**Під лісом**> **Підліс**. Появление последнего звена в этой цепочке развития зависит прежде всего от значимости соответствующего объекта (лексикализуются наиболее часто употребляемые предложные конструкции, называющие объекты, существенные по той или иной причине для населения), а также от предлога: если среди предложных конструкций в буковинской топонимии встречаются практически все предлоги, имеющие пространственное значение, то среди лексикализованных названий типа **Підліс** господствуют только два, **під** и **за**, да еще несколько представлены единичными случаями.

***

Территориальная группировка топонимов в системы сочетается с не менее выразительной группировкой их в классы — группы названий однородных географических объектов. Целый ряд процессов усиливает дифференциацию топонимических классов. Именно на их разграничение в значительной мере направлено действие топонимической системы. Топонимические классы одной территории различаются качеством и количеством свойственных им словообразовательных моделей, различаются своей численностью и своей устойчивостью.

При этом группировка собственных географических названий по классам, опираясь на разграничение географических объектов, не исходит из современной научной классификации этих географических объектов. Она сложилась исторически и отражает группировку объектов в прошлом. Возможно, именно поэтому микротопонимия объединяет в один класс названия довольно различных мелких географических объектов.

При всей своей разграниченности разные топонимические классы, как правило, имеют больше общего, чем отличного. Эта картина напоминает разграничение топонимических систем одного языка и объясняется тем, что топонимы разных классов принадлежат одному языку и одному народу.

Применительно к буковинской топонимии могут быть выделены следующие топонимические классы:

1. Названия территорий. Кроме новых и редко употребляемых наименований районов типа **Путьищина, Кельменеччина** сюда относятся названия **Буковина, Бессарабия**, а также названия территорий по рекам: **Подністров'я, Придністров'я, Надністриянина** и т. д.

2. Названия селений — городов, сел, хуторов.

3. Гидронимы — названия рек и озер.

4. Оронимы — на исследованной территории исключительно названия возвышений: гор и полонин на западе, холмов в центре и на востоке.

5. Микротопонимы. Здесь наиболее мощными пластами представлены названия частей селений, а также названия полей. За ними по количеству представителей идут названия колодцев, лесов, прудов, оврагов, долин, болот, урочищ, различных отдельных мелких образований (камни, пещеры и др.). Топонимы объединяются в один класс в данном случае не по свойствам соответствующих географических объектов, а по их размерам.

Количественный состав топонимических классов весьма различен. Если названий территорий в буковинской топонимии нашлось только 20, то микротопонимов отмечено 16.720. И поскольку всего на исследованной территории фиксируется 19.630 топонимов, то можно как будто бы заключить, что среди этих топонимов господствуют микротопонимы. Однако это заключение было бы неверным, так как разные топонимы имеют разный объем, разную сферу употребления. И хотя в целом по Буковине микротопонимы столь резко преобладают, в любой точке территории наложение всех сфер употребляемых здесь топонимов не даст микротопонимии количественного преобладания. Другими словами, каждый носитель языка знает и употребляет меньше микротопонимов, чем названий, принадлежащих к другим топонимическим классам. Именно поэтому микротопонимы являются не наиболее, а наименее влиятельным топонимическим классом.

Топонимические классы значительно различаются также своей устойчивостью, степенью своей изменяемости. Эту степень можно определить, при наличии достаточного диахронического материала, отношением количества изменений к общему количеству названий соответствующего класса. Так, степень изменяемости буковинских гидронимов — 0,10,

степень изменяемости названий селений — 0,34. Наиболее высока изменяемость микротопонимии.

Следует отметить, что изучение функционирования — жизни и практического употребления собственных географических названий вообще обнаруживает значительную динамику этих названий. Репутация наиболее стойкой сохранялась за данной лексической группой до тех пор, пока рассматривали **топонимы**. Если же рассмотреть **топонимию**, то от ее устойчивости не остается и следа. Мало найдется лексических пластов, которые были бы такими подвижными, такими неустойчивыми, как подавляющее большинство собственных географических названий.

Несомненно, отдельные топонимы, особенно названия крупных рек и гор, пронесены языками и народами сквозь тысячелетия. Это — наиболее известные топонимы, и поэтому они первыми попали в круг научных интересов и удивили исследователей своей устойчивостью. Однако не имеет смысла переносить свойство группы топонимов на всю топонимию, которая этим свойством не обладает.

***

Вторая, аналитическая часть работы представляет собой топонимический словарь. Это — алфавитное описание названий существующих и исчезнувших селений территории нынешней Черновицкой области УССР. Здесь характеризуются названия 754 селений, представленные 904 разными топонимами, которые реализуются в 1140 словообразовательных вариантах. Так или иначе рассматриваются также названия рек и гор, связанные с названиями населенных пунктов.

Весь материал этой части сгруппирован в три раздела, рассматривающих топонимию горных, центральных и восточных районов Черновицкой области. Эта группировка, опираясь на современное административное деление, имеет под собой и более устойчивую историческую основу: первый раздел включает всю территорию распространения на Буковине гуцульских говоров украинского языка, а третий раздел рассматривает топонимию Северной Бессарабии, которая длительное время была отделена от остальной изучаемой территории.

Словарная статья содержит официальную и народные формы собственного географического названия, локализацию и характеристику населенного пункта, с указанием национального состава его населения, а также историю и этимологию топонима. История каждого названия прослеживается по памятникам от древнейшей найденной фиксации до современного состояния. При этом указываются и комментируются все отмеченные памятниками варианты названия,

устанавливается их хронологическое соотношение. Лингвистические комментарии дополняются географическими и историческими, если они нужны для объяснения возникновения топонима. В заключение словарной статьи предлагается и обосновывается этимология топонима. В результате такого построения вторая часть работы фактически объединяет в себе исторический и этимологический словарь буковинской топонимии.

***

Изучение развития восточнославянской топонимии обнаруживает весьма значительные изменения в значении, структуре и функционировании собственных географических названий. Важнейшие из этих изменений заключаются в том, что а) топонимы, бывшие ранее прилагательными и понимаемые как определения номенклатурных терминов, со временем стали, сначала функционально, а затем и структурно, существительными и начали пониматься как полноценные заменители номенклатурных терминов; б) перейдя в разряд существительных, собственные географические названия со временем начали все более удаляться от нарицательных существительных. Это удаление имеет и семантические, и функциональные, и — наиболее очевидно — словообразовательные проявления. Общие тенденции развития топонимии сводятся к отшлифовке и совершенствованию собственных географических названий, к приведению их в соответствие с существующим социально-экономическим строем, к зарождению элементов грамматического обособления топонимии.

Примененная в работе методика анализа синхронных топонимических срезов позволила обнаружить полное расхождение понятий продуктивности и распространенности. Подобное расхождение является характерной чертой устойчивых пластов топонимии. Распространенность не различает настоящего и прошлого — ныне продуктивных средств и результатов бывшей продуктивности других средств. Поэтому продуктивное и непродуктивное может оказаться одинаково распространенным. Например, среди буковинских топонимических новообразований XX в. названия на **-івці** (вместе с **-инці**) составляют только 4%, а новообразования на **-івка** целых 20%. Другими словами, сейчас на Буковине, по крайней мере среди названий населенных пунктов, образования на **-івка** в 5 раз продуктивнее названий на **-івці**. Однако распространенность этих двух видов образований совершенно одинакова: среди ныне употребляемых названий селений находим 79 топонимов на **-івці** и 74 топонима на **-івка**.

Тем не менее продуктивность и распространенность связаны между собой. И суть не только в той тривиальной истине, что распространенность является результатом продуктивности.

Топонимические средства не становятся полностью непродуктивными, пока они имеют на данной территории значительное распространение: под давлением массы уже существующих топонимов могут порождаться и новые названия с помощью средства, которое, казалось бы, стало непродуктивным. В этом случае продуктивность является результатом распространенности (порожденной бывшей продуктивностью средства).

Кроме уже описанных хронологических расхождений буковинских собственных географических названий, отмечаются и расхождения территориальные. Они обнаруживаются преимущественно не просто по наличию или отсутствию какого-либо явления, а статистически (большая или меньшая распространенность). К наиболее характерным приметам территориальной стратиграфии буковинской топонимии относится существенное, прослеживаемое на протяжении всего доступного изучению исторического периода преобладание образований с суффиксами **-івці, -инці** на востоке и еще более резкое, но заметное только с XVIII в. преобладание множественных образований на **-и, -і** и субстантивированных прилагательных на западе территории.

Существуют и такие территориальные расхождения, которые выделяют буковинскую топонимию среди прочих территориальных топонимических систем украинского языка, — то, что можно назвать спецификой буковинской топонимии. Конечно, это — только оттенки одинакового общего фона, определяемого для всех территорий распространением на них одного языка. Поэтому общность топонимии разных территории украинского языка является определяющим фактором и обнаруживается значительно легче, чем расхождения, являющиеся второстепенным фактором.

При этом чем шире разворачивается изучение украинской топонимии, тем меньше оказывается конкретных топонимов, которые составляют локальную специфику: многое из того, что считается свойственным только одной территории, просто еще не обнаружено в топонимии какой-либо другой территории. Поэтому до сплошного и глубокого изучения топонимии всех славянских земель следует соблюдать осторожность в утверждениях о принадлежности каких-либо конкретных топонимов только определенным территориям. Однако кроме такого конкретно-качественного проявления топонимическая специфика разных территорий имеет и более выразительное статистическое проявление. Для развернутого статистического сопоставления топонимии разных территорий также нужны точные данные с этих разных территорий. Но и без них можно заключить, что конкретный структурно-семантический ассортимент буковинской топонимии (с учетом и качеств, и количеств) является специфическим именно для этой территории,

хотя почти каждая топонимическая модель встречается также и за пределами Буковины, охватывая от какой-либо довольно ограниченной территории (**-івці**) вплоть до территории всего славянского ареала (**-ів** из **-овъ, -евъ**).

Дотопонимическая семантика, этимологическое содержание буковинских собственных географических названий, как и их языковая принадлежность и словообразование, отражают прошлое, сложную историю этой восточнославянской земли, быт и особенности общественной организации населения. При условии учета специфики и закономерностей топонимии, отличающих ее от остальных исторических источников, в частности письменных памятников, собственные географические названия становятся источником надежной и важной информации о жизни народа на протяжении огромного исторического периода — от древнерусских времен до фактов современной, советской действительности.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

1. До походження назв буковинських річок (Слов'янські назви), Вісті Чернівецького відділу Географічного товариства Союзу РСР вып 1 Черновці, 1958, стр. 181 — 192.
2. Словообразование названий населенных пунктов в памятнике конца XIV в. «А се имена всемь градомъ Рускымъ, и далимъ и ближнимъ», Научный ежегодник (Черновицкого государственного университета) за 1959 год. Отдельный оттиск. Филологический факультет, Черновцы, 1960, стр. 275-278.
3. Словотвір сучасних назв населених пунктів Чернівецької області, Праці Х Республіканської діалектологічної наради, К., 1961, стр. 169 — 175.
4. Рошош (Роша), Рошешний, Росошани, Чернівецької області, та споріднені топоніми України, сб. «Питання топоніміки та ономастики», К., 1962, стр. 72—79.
5. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови (лекція), Черновці, 1962, 23 стр.
6. Давньоруська основа словотвору української топоніміки, сб. «Питання історичного розвитку української мови», Харків, 1962, стр. 290—297.
7. Субстантивовані прикметники — назви населених пунктів Буковини (3 нарисів словотвору буковинської топоніміки), сб. «Питання історії і діалектології східнослов'янських мов», кн. III, Львів, 1963, стр. 23—30.
8. Слов'яно-романські взаємини у буковинській топоніміці, сб. «Славістичний збірник», К., 1963, стр. 158—170.
9. О синхронической топонимике, сб. «Принципы топонимии», М., 1964, стр. 45—57.
10. Особливості гідронімічного словотвору (На матеріалі назв річок Чернівецької області), сб. «Українська діалектологія і ономастика», К., 1964, стр. 185—193.
11. Топоніміка гірських районів Чернівецької області (Конспект лекцій), Черновці, 1964, 80 стр. На правах рукописи.
12. Топонімія центральних районів Чернівецької області. Конспект лекцій, Черновці, 1965, 76 стр. На правах рукописи.
13. Топонімія східних районів Чернівецької області (Конспект лекцій), Черновці, 1965, 62 стр.
14. Топонімічні варіанти, сб. «Ономастика», Іv, 1966, стр. 29—36.
15. Становление восточнославянской топонимии (Закономерности словообразования), сб. «Изучение географических названий» («Вопросы географии», № 70), М., 1960; стр. 7—18.

16. Короткий питальник для збирання топонімічних назв Чернівецької області, Черновці, 1961, 9 стр.
17. Про проект програми спецкурсу з української топоніміки для вищої школи, сб. «Питання топоніміки та ономастики», К., 1962, стр. 178—181.
18. Опыт спецкурса топонимики на филологическом факультете, сб. «Принципы топонимики», М., 1964, стр. 141—142.
19. Програма спеціального курсу «Українська топоніміка», Черновці, 1966, 11 стр. Первое издание (на ротаторе) вышло в 1959 г.
20. О. С. Стрижа к. Назви річок Полтавщини, К., 1963 (рец.), ж. «Українська мова і література в школі», 1964, № 6, стр. 88—91.
21. V I. S m i l a u e r. Ovod do toponomastiky, Praha, 1963 (рец.), ж. «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 125—129.
- Отдельные вопросы диссертации докладывались также на нескольких (более 10) межвузовских и отчетных конференциях. Тезисы соответствующих докладов опубликованы.